

Российская колонизация: схемы и образы

Светлой памяти отечественных географов
Г.А. Аграната, С.С. Артоболевского, Г.А. Гольца,
М.П. Крылова, Л.В. Смирнягина, с которыми
мне посчастливилось общаться.

Предварительные замечания

Интерес к проблеме российской колонизации и её роли в истории страны за последние два-три десятилетия не потерял своей актуальности. Более того, введение в научный оборот новых источников существенно обогатило палитру исследований в этом направлении. В данной работе предпринята попытка рассмотреть феномен отечественной колонизации посредством концептуальных схем и соответствующих им образов, сформулированных как отдельными авторами, так и определёнными научными школами. Подобная оптика уже была частично апробирована автором на примере процесса *регионализации* [3]. Тем не менее, в связи со сменой объекта исследования есть необходимость заново воспроизвести характеристику ключевых понятий.

Начнём с понятия схемы. В повседневной лексике оно употребляется в смысле поверхностного описания или изложения в общих, главных чертах. Но есть и у него специальное терминологическое значение: условное графическое изображение составных частей объекта и связей между ними (монтажная схема, функциональная схема, принципиальная схема, транспортная схема и т.д.). Менее известно то, что у термина есть и своя философско-методологическая история, восходящая к Платону. У Платона схема приобретает значение универсального понятия, поскольку применяется не только к мифам или же к мусическому искусству, но и к политическому устройству и даже к законам. Впрочем, по-настоящему понятие схемы вводит в философию И. Кант. У Канта схемы – это своего рода посредники между категориями и эмпирическими явлениями. Их онтологический статус ниже, чем категорий и понятий, но они помогают синтезировать смыслы и представлять их как целостное явление – предмет познания [7, с. 220–224]. В последнее время схемы становятся предметом самостоятельного изучения. Им уделяют внимание системологи, методологи науки, представители когнитивной психологии [12].

Что же касается понятия *образа*, то здесь существует целый спектр трактовок различной предметной направленности. Академический словарь русского языка приводит семь значений термина: от характеристики внешнего вида объекта до способа его отражения в интеллектуальной или же художественной форме. Наряду с этим выдвигались версии уровневой классификации образов (в чём-то пересекающиеся с предметной). Так, Антонио Менегетти выделяет следующие уровни: чувственно-видимый, психологический, фантазия, метафизический [9, с. 37]. Метафизический уровень сближает образ со схемой. Остальные укладываются в классическую формулу: "от живого созерцания – к абстрактному мышлению..."

Однако здесь более уместно уйти от абстрактного теоретизирования и опереться на авторитетные примеры использования термина в близком кон-

© Ганопольский М.Г., 2018

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН (г. Тюмень).
E-mail: gmichaelg@mail.ru

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

тексте. Один из них связан с работами Д.Н. Замятина и его коллег [6; 18] по проблематике географических образов. Другим авторитетным примером стали социокультурные портреты регионов России, представленные в одноимённом исследовательском проекте [1; 10].

Понятно, что при схематично-образном подходе к феномену колонизации трудно задать какую-либо строгую последовательность рассмотрения выдвинутых позиций, поэтому целесообразно именовать их по фамилии автора или же по названию научных направлений.

Схема Головнёва

Одну из концептуальных схем, претендующих на предельно обобщённое видение явления колонизации, выдвинул отечественный антрополог А.В. Головнёв [5]. Сделано это в русле авторской концепции *антропологии движения* [4]. Примечательно, что ещё тогда автор избрал в качестве ключевых методологических моментов мотивационно-деятельностные *схемы* и историко-антропологические *сценарии* [4 с. 14–23]. Однако при изучении колонизации он, если и использует их, то лишь в неявном виде. Видимо, это неслучайно. Раскрывая феномен колонизации предельно широко как "пространственное движение живой материи", как "механизм распространения жизни в природе и культур в ойкумене" [5, с. 13], автор, по сути дела, выходит за рамки антропологического подхода и погружает проблему в биологический контекст. Он откровенно заявляет, что сложности антропологического исследования колонизации вызваны тем, что её истоки выходят за пределы истории человеческого рода. Запечатлённый в колонизации механизм движения достался человеку от природы. Таким образом, в соответствии с авторской логикой: "Не человек породил колонизацию, а колонизация – человека" [5, с. 14]. Уже здесь намечены опорные (а в чём-то и спорные) моменты концептуальной схемы, которые затем раскрываются в иерархии частей, глав и параграфов. Их можно рассматривать как своего рода информационный каталог изучения мирового колонизационного процесса.

Монография (а тем самым, и схема как структура текста) состоит из трёх частей. Первая – это своего рода экскурс в антропологические истоки колонизации, сопряжённый с общетеоретическими и общеисторическими схемами её интерпретации. Вторая и третья части посвящены двум основным стадиям (сценариям) отечественной колонизации: а) магистралям Руси и б) приращению России. Далее идёт разделение на главы, а глав – на параграфы. Их названия настолько ёмкие, что эта привычная иерархическая (древовидная, с ветвлением сверху вниз) схема рубрикации в данном случае может быть дополнена инверсивной *образной* формой: дерево, корни которого – это антропологические истоки проблемы, ствол – это история колонизации, а крона – её национальные версии.

На наш взгляд, подобное инверсивное сопоставление схемы с образом способно дать наглядное представление о взаимосвязи обширного исторического материала с концепцией антропологического видения проблемы. Кроме того, оно обладает определённым эвристическим потенциалом, поскольку намечает точки роста новых перспективных направлений научного поиска. Наконец, это позволяет говорить об оригинальной образно-концептуальной схеме, в которой отечественная колонизация органично вписана в контекст мировой.

Схема Цимбаева

Следующая по степени обобщения схема отечественной колонизации принадлежит отечественному историку Н.И. Цимбаеву. Первоначальный конспект этой схемы он привёл в монографии, посвящённой Сергею Соловьёву, которая вышла из печати ещё до распада СССР [21, с. 259–267]. А в 1997 г. опубликовал статью, в которой история России представлена "как история страны, которая колонизируется, и история государства, которое стремится подчинить себе этот изначально стихийный процесс" [19, с. 19–42]. Ещё через десять лет автор использовал её почти без изменений в качестве вводной главы монографии с символическим названием "Историософия на развалинах империи" [19].

Суть схемы, предложенной Цимбаевым для раскрытия исходного тезиса, выражена в известной формуле В.О. Ключевского: "История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией" [8, с. 31]. Но, как известно, Ключевский не первый, кто сформулировал свой взгляд на отечественную историю подобным образом. Его предшественником был С.М. Соловьёв, утверждавший: "В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации" [13, с. 28]. Но и С.М. Соловьёв не был первооткрывателем такого взгляда, поскольку развил мысль своего учителя М.П. Погодина о "бродяжничестве" населения Древней Руси [19].

Однако дальнейшей реконструкции этой схемы автор не предпринимает. А ведь её можно обнаружить в размышлениях П.Я. Чаадаева, утверждавшего, что "есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию... это – факт географический" [22, с. 161]. Впрочем, истоки такого видения проявились намного раньше, поскольку ещё до того, как стать достоянием общественной мысли, отразились в фольклоре и прочно закрепились в языке. Так, русский историк XIX в. А.П. Щапов обращал внимание на обилие в русском языке антропоморфных слов, связанных с духовно-практическим опытом народа. Одним из самых показательных он считал слово *вселенная*, из которого, как ни смотри, выглядывают "уши" русского мужика, занятого привычным делом – вселением в новый дом [23, с. 74]. Вселенная для него – не какой-то там абстрактный *космос*, даже не *ойкумена* (хотя *вселенная* считается калькой этого слова), но *мир* (община), *дом*, куда предстоит *вселиться* всем *миром*.

Может быть, в такой привычности и проявляется некий инвариант культурной динамики – экстенсивное стремление к вселению. Особого внимания в связи с этим заслуживает жанр русского утопического романа в форме путешествия с плавным переходом от земных реалий к космическим. Близкие мотивы прослеживаются в произведениях русских мыслителей-космистов. Так, Н.Ф. Фёдоров в своем космическом проекте преобразования мира на началах общего дела говорит об этом достаточно определённо: "Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров (Фёдоров имеет в виду богатейшей, землепроходцев, казачество и т.д.); наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига" [15, с. 358]. Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест, предстаёт как своеобразная синтагма отечественной культуры, проявляющаяся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле – и в освоении космического пространства).

Однако автор строит свою схему в другом направлении. Понимание истории России как её географии побуждает его сосредоточиться на исключительности этой истории. "Для народов Западной Европы природа была мать, для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать, – матека, ибо они изначально были поставлены в невыгодные условия" [19, с. 11]. Данная формула, многократно оспоренная и методологически, и идеологически, имеет в данном случае совсем другое смысловое содержание. По сути дела, она символизирует переход от универсальности схемы – к уникальности образа. При этом в одних случаях концептуальные схемы погружаются в образный контекст. Это, прежде всего, ёмкие и точные портреты реальных исторических лиц. Здесь Алексей Хомяков и Фёдор Тютчев, казалось бы, близкие друг другу мыслители, предлагающие оригинальные, но резко отличающиеся друг от друга историософские схемы. Здесь и деятели славянофильского движения: Александр Кошелев, Юрий Самарин, Иван Аксаков. Здесь и полемизирующие о роли интеллигенции Михаил Гершензон и Григорий Ландау. Затем географию мысли. сменяет география веры – речь идёт о Русской Православной церкви в годы испытаний (1900–1941).

Заключительный раздел монографии несёт особую нагрузку. Это своего рода *авторская подстановка в текст*, когда исследователь переосмысливает произведение искусства, биографический или же теоретический материал с позиций личного жизненного опыта и индивидуальных предпочтений.

Здесь представлены Алексей Константинович Толстой, которого можно считать зачинателем иронической историософии, и его современник Евгений Петрович Карнович – подвизник народного образования и энтузиаст юридического просвещения. Затем портретную галерею реальных исторических лиц контекстно дополняют персонажи художественных произведений советского периода: фильма "На семи ветрах" и прозы Вячеслава Кондратьева. Их в какой-то мере можно считать образной основой историософской схемы настоящего и ближайшего будущего.

Сибирский фронтир

Это ещё одна образно-концептуальная схема, которая не только продолжает привлекать внимание исследователей, но и время от времени становится предметом научной полемики [2]. Обращение отечественных авторов, в первую очередь, сибирских историков, к сопоставлению американского фронтира и колонизации Сибири [11; 17] началось задолго до перевода книги Тёрнера на русский язык [14]. Оно оказалось довольно продуктивным. Хотя, возможно, первоначальным импульсом стало само слово фронтир, не отягощённое (в явном виде) такими негативными ассоциациями и коннотациями, как слова колонизация и колониализм. Между тем, различие между российской колонизацией и американским фронтиром весьма существенное – как формальное, так и содержательное.

Фронтир – это линия фронта, противостояния. Но чтобы смягчить прямой перевод, предпочитают другие варианты: порубежье, граница между освоенными и неосвоенными землями, подвижная граница и т.п.

Под воздействием книги Тёрнера в США постепенно создавалась легенда об истинно американском духе – Духе Фронтира, о людях Фронтира – мужественных, честных, простых и работающих. О тех, кто всегда был вооружён, поскольку должен дать отпор каждому, кто посягал на его жилище, на жизнь его близких.

Между тем, неявным синонимом фронтира является геноцид – не особо артикулируемое в литературе, замалчиваемое в легенде, но реальное уничтожение не только сокровищ индейской цивилизации, но и самих краснокожих "варваров", в том числе женщин и детей. Поэтому чем дальше отходило американское общество от романтического Духа Фронтира, тем больше он превращался в идеологему, впечатывался в сознание американцев в качестве национального символа.

Современные же сибирские историки, взяв этот термин на вооружение, явно или неявно заняты поисками содержательной типологии сибирского фронтира, словно не замечая, что отличие российской колонизации от американского фронтира не столько типологическое, сколько топологическое. Освоение Сибири было не фронтирным, а маршрутным [16]. Первые водно-сухопутные пути (волоки) через Уральские горы, бравшие своё начало в бассейнах рек Северной Двины и Печоры, в летописных источниках упоминаются с XI в. Основное назначение подобных маршрутов сводилось к осуществлению торговли жителями Великого Новгорода, а позднее Москвы с Югрой – хантскими и мансийскими землями, расположенными к востоку от Урала в нижнем течении Оби. Несмотря на то, что к середине XV в. коренными жителями этих территорий формально была признана власть царя Ивана III, на протяжении долгого времени подобные маршруты предназначались лишь для ведения торговли и обложения данью местных народов, по сути дела, не преследуя задач колонизации.

Поэтому первым линейным маршрутом целенаправленного освоения территории Сибири русскими можно считать Бабиновскую дорогу, построенную вскоре после похода дружины Ермака. В этот период наличие надёжных сухопутных путей стало одним из необходимых условий для закрепления за Русью сибирских земель. Признанный к тому времени официальным Вишеро-Лозьвинский волок оказался не в состоянии справиться со всё возрастающим потоком людей и грузов. Начинаясь в центре Перми Великой Чердыни, он проходил по реке Вишере и её притоку Велсу. Затем путники вынуждены были оставлять свои суда, пешим или конным ходом преодолевая Уральские горы. Следующий водный участок пути шёл по реке Лозьве. Он достигал Лозьвинского городка, выполнявшего в ту пору роль своеобразного перева-

лочного пункта, далее направляясь вглубь Сибири по рекам Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и Оби...

К сожалению, и в настоящее время маршрутная схема в принципиальном отношении почти не изменилась. Транссибирская железнодорожная магистраль и по сей день остаётся единственным сквозным маршрутом, соединяющим столицу с восточносибирскими и дальневосточными регионами.

В работах сибирских историков об этом отчасти сказано при сравнении схем заселения Сибири и Северной Америки [17, с. 36–49]. Но основное внимание уделено сопоставлению образов сибирских и североамериканских городов. Здесь уж точно схематизм и образность тесно переплетены. Приведены художественно-публицистические портреты людей на фронтире. Здесь и типологические зарисовки представителей различных слоёв гражданского общества, и характеристики отдельных губернаторов, военачальников, духовенства и т.д. [17, с. 63–86]. Образному видению способствует и то, что историко-географическая схема поиска природных ресурсов переплетена с нравственно-психологической атмосферой золотой лихорадки. Радикальный протестантизм и русский раскол сопоставлены в контексте реформационных процессов и при этом помещены в пространственно-временную схему эпохи великих переселений [17, с. 50–62].

Схема Эткинда

Концепцию российской колонизации, предложенную Александром Эткиндо [24], не сразу удаётся интерпретировать как схему – поначалу она образна. Автор начинает с описания того, чем был удивлён Вальтер Бенямин, побывавший в Москве в 1927 г. Здесь и то, что Россия не знает романтического образа Востока, и его беседы с московскими интеллектуалами о неспособности крестьянской массы воспринимать киноискусство, поскольку при просмотре кинофильмов крестьянин не может следить за параллельным развитием двух линий повествования. Вслед за этим следует вывод о том, что колонизация посредством кино дала осечку.

Эти и другие образные эпизоды из жизни довоенной России можно рассматривать как своего рода подготовку к ключевому авторскому вопросу: "Итак, что же такое внутренняя колонизация – метафора или механизм?" [24, с. 16]. А затем к ответу на него, проясняющему авторскую позицию, а в какой-то степени и авторскую схему: "Как метафора, раскрывающая механизм, внутренняя колонизация – старинный и хорошо проверенный инструмент познания" [24, с. 17]. Ещё через несколько страниц он частично обнажает свою схему, характеризуя её структуру в двух измерениях: тематическом и хронологическом. [24, с. 21].

Артикулированная автором последовательность текста – ещё одно измерение схемы. Первые две главы – это неявный диалог с концепцией "Ориентализма" Эдварда Саида по поводу контекста холодной войны. Затем автор включается в сферу дискуссий о происхождении российской монархии и версий о природе внутренней колонизации. Четвёртая глава посвящена парадигме самоколонизации и её отражению в трудах по российской историографии XIX в. В последующих главах анализируются экономические (торговля пушниной) и институциональные (сословие, община, органы власти) факторы внутренней колонизации.

Двигаясь от истории к литературе и обратно, Эткиндо, не только начинает обрисовку схемы с образов, но и органично их в неё включает. Это прежде всего его интерпретации критических текстов об имперском опыте, авторами которых были как отечественные (Толстой, Гоголь, Бахтин), так и зарубежные (Дефо, Конрад) авторы. И даже Кант, который, как известно, одно время был российским подданным.

Схема Эткиндо отчасти пересекается со схемой Цимбаева. Это неудивительно, поскольку речь идёт об одном объекте. Интересно другое, они удачно дополняют друг друга, практически нигде друг другу не противоречат. Впрочем, это можно сказать обо всех рассмотренных концепциях.

Подводя итог предпринятого рассмотрения, следует отметить, что список концепций отечественной колонизации, проанализированных с целью выявления характерных концептуальных схем и соответствующих им образов, не является полным, и вряд ли такого рода задача вообще выполнима.

Поэтому, во-первых, рассмотрены работы, опубликованные уже в XXI в., но тем не менее опирающиеся на классическое наследие прошлых столетий, во-вторых, те из них, которые встретили отклик в среде научного сообщества, и в-третьих, те, что с точки зрения автора наиболее репрезентативно отражают заявленную тему.

Литература

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. Редколлегия: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М., Весь мир, 2016. 345 с.
2. Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея "фронттира": выгодное приобретение или опасный "фантом"? // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84.
3. Ганопольский М.Г. Структура расселения региона: опыт социокультурного прочтения // Ойкумена: Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 73–84.
4. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; "Волот", 2009. 496 с.
5. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
6. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
7. Кант. Критика чистого разума. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М., 1964. 779 с.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 1. М. 1956. 427 с.
9. Неветтти А. Мир образов. СПб.: "Онтопсихология", 2008. 256 с.
10. Проблемы социокультурной модернизации регионов России. Сост., отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., Academia, 2013. 415 с.
11. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, Издательство ИДМИ. 2001. 113 с.
12. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М.: Либроком. 2011. 256 с.
13. Соловьёв С.М. Избранные труды. М., 1983. 440 с.
14. Тёрнер Фредерик Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
15. Фёдоров Н.Ф. Соч. М., 1982. 709 с.
16. Фёдоров Р.Ю., Ганопольский М.Г., Освоение Урала и Сибири как социокультурный процесс. Структура, коммуникации, ценности // LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrücken, 2011. 133 с.
17. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 12–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск: РИПЭЛ плюс., 2002. Вып. 2. 96 с.
18. Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; предисл. Л.В. Смирнягина; послесл. В.А. Подороги. М.: МИРОС, 1994. 156 с.
19. Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997, № 1. С. 19–42.
20. Цимбаев Н.И. Историософия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета. 2007. 616 с.
21. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. М., 1990.
22. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Сочинения. М., 1989. 656 с.
23. Щапов А.П. Соч. СПб. Т.1. 1906. 803 с.
24. Эткин Д.А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России/ 2-е изд. М.: ИЛЮ, 2014. 448 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy. Kollektivnyj nauchnyj trud. Sost. i отв. red. chl.-korr. RAN N.I. Lapin. Redkollegiya: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, N.A. Kasavina. M., Ves' mir, 2016. 345 s.
2. Bostan K.A., Kuznetsov A.M. Ideya "frontira": vygodnoe priobretenie ili opasnyj "fantom"? // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 73–84.
3. Ganopol'skij M.G. Struktura rasseleniya regiona: opyt sotsiokul'turnogo prochteniya // Ojkumena: Regionovedcheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 73–84.
4. Golovnyov A.V. Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii). Ekaterinburg: UrO RAN; "Volot", 2009. 496 s.
5. Golovnyov A.V. Fenomen kolonizatsii. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 592 s.

6. Zamyatin D.N. Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoj geografii. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.
7. Kant. Kritika chistogo razuma. Sobr. soch. v 6-ti t. T. 3. M., 1964. 779 s.
8. Klyuchevskij V.O. Kurs russoj istorii. T. 1. M. 1956. 427 s.
9. Menegetti A. Mir obrazov. SPB.: "Ontopsikhologiya", 2008. 256 s.
10. Problemy sotsiokul'turnoj modernizatsii regionov Rossii. Sost., otv. red. N.I.Lapin, L.A.Belyaeva. M., Academia, 2013. 415 s.
11. Rezun D.YA., Lamin V.A., Mamsik T.S., SHilovskij M.V. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, Izdatel'stvo IDMI. 2001. 113 s.
12. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. M.: Librokom. 2011. 256 s.
13. Solov'yov S.M. Izbrannye trudy. M., 1983. 440 s.
14. Tyorner Frederik Dzh. Frontir v amerikanskoj istorii. M.: Ves' Mir, 2009. 304 s.
15. Fyodorov N.F. Soch. M., 1982. 709 s.
16. Fyodorov R.YU., Ganopol'skij M.G., Osvoenie Urala i Sibiri kak sotsiokul'turnyj protsess. Struktura, kommunikatsii, tsennosti // LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbrucken, 2011. 133 s.
17. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v 12–20 vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk: RIPEHL plus., 2002. Vyp. 2. 96 s.
18. KHrestomatiya po geografii Rossii. Obraz strany: Prostranstva Rossii / Avt.-sost. D.N. Zamyatin, A.N. Zamyatin; predisl. L.V. Smirnyagina; poslesl. V.A. Podorogi. M.: MIROS, 1994. 156 s.
19. TSimbaev N.I. Do gorizonta – zemlya! (K ponimaniyu istorii Rossii) // Voprosy filosofii. 1997, № 1. S. 19–42.
20. TSimbaev N.I. Istoriософиya na razvalinakh imperii. M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta. 2007. 616 s.
21. TSimbaev N.I. Sergej Solov'yov. M., 1990.
22. CHaadaev P.YA. Apologiya sumasshedshego // Sochineniya. M., 1989. 656 s.
23. SHHapov A.P. Soch. SPb. T.1. 1906. 803 s.
24. EHtkind A.M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskij opyt Rossii/ 2-e izd. M.: NLO, 2014. 448 s.

Ганопольский М.Г. Российская колонизация: схемы и образы

Статья представляет собой попытку рассмотрения феномена российской колонизации не столько в исторической последовательности, сколько концептуально. Сделано это на основе современного прочтения ключевых понятий – схемы и образа. Объектом анализа являются авторитетные теоретические позиции и актуальные эмпирические источники в области изучения отечественной колонизации, введённые в научный оборот как отдельными представителями различных областей социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, так и комплексными научно-исследовательскими коллективами.

Ключевые слова: *колонизация, фронтир, схема, образ, социокультурный портрет, антропология движения*

Ganopolsky M.G. Russian colonization: schemes and images

The article is an attempt of author to consider the phenomenon of Russian colonization not so much in historical sequence as conceptually. It is done on the basis of a modern perusal of key concepts such as a scheme and an image. The object of analysis consists of authoritative theoretical positions and actual empirical sources in the field of studying Russian colonization. Those were introduced by individual researchers (members of various fields of social and humanitarian knowledge and science) and complex research teams into scientific circulation.

Key words: *colonization, frontier, scheme, image, socio-cultural portrait, anthropology of movement*

Для цитирования: Ганопольский М.Г. Российская колонизация: схемы и образы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/38-44

For citation: Ganopolsky M.G. Russian colonization: schemes and images // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 3. P. 38–44. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-3/38-44

